

А. И. ПОПОВ (Ленинград)

НЕСКОЛЬКО ПРИМЕРОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФИННО-УГОРСКИХ И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ ПОВОЛЖЬЯ

Финно-угорские языки Поволжья-Прикамья, как известно, находятся в тесном соприкосновении с тюркскими языками. В данной статье затрагиваются вопросы, связанные с образованием сложных слов в финно-угорских и тюркских языках Поволжья и Прикамья. Причины такого выбора вполне понятны. Длительный контакт обусловил весьма точное и однотипное калькирование сложных слов.

Первым примером этого рода мы выберем коми *синва* 'слезы' (*син* 'глаз', *ва* 'вода'), удм. *синву* 'слеза' (*глаз* + *вода*), мар. *шинчавуд*, мокш. *сельмоведь*, эрз. *сельведь* (здесь первый компонент *сель* — из *сельме* 'глаз') и т. д., — вплоть до мансийского *самвит* и ненецкого *сэви* (семантика одинакова во всех случаях), так что можно сказать, что рассматриваемое сложное словосочетание со значением 'слеза' (*глаз* + *вода*) характерно для большинства уральских языков и за пределами Волго—Камья. Из тюркских языков Поволжья в чувашских диалектах встречаются аналогичным образом построенные словосложения: *куç шывё* 'слезы' (*глаз* + *вода*), *коç-шу* (то же).¹ Таким образом, мы видим здесь несомненное калькирование чувашскими говорами финно-угорских данных.

Следует отметить, что мы имеем ряд фактов — таких как кабардинское *пәрс* 'слеза' (*пә* 'глаз', *псә* 'вода'), корейское *ninmuri* (*nin* 'глаз' + *muri* 'вода') и т. д., свидетельствующих о широкой распространенности подобных обозначений, выходящей далеко за пределы Волго-камского района. Примеры этого рода являются поэтому не очень показательными.

Приводимый далее пример является типичным для волго-камских данных этого рода, не имея широкого распространения вне рассматриваемой области. Чув. *пускил* 'сосед' (*пуса* 'поле, нива, пашня'² + *кил* 'дом') дает в марийском точную кальку: *пошкудо*, *пошкыдо* 'сосед'³ (*пошо*, *пасу* 'поле' + *кудо* 'дом'; следует отметить, что первый компонент усвоен из болгаро-чувашских данных, тогда как второй является общефинно-угорской принадлежностью).⁴ Удмуртское *бускель* 'сосед' можно считать прямо заимствованным из языков хазаро-болгаро-чувашской группы; с другой стороны, удм. *бускель* можно рассмат-

¹ Н. И. Ашмарин, *Словарь чувашского языка*, Чебоксары 1935, стр. 36.

² *пус*, *пос*, *пусу*, *посу* и т. п. (см. Н. И. Ашмарин, *Словарь чувашского языка*, Чебоксары 1936).

³ Ёпымарий (В. М. Васильев), *Марий мутэр*, Моско 1928.

⁴ Впрочем, неизвестно, насколько древним является мордовское *кудо*, финское *kota* и т. п. в плане принадлежности собственно финно-угорским языкам; однако этот вопрос нас здесь не интересует.

ривать также и как сложное слово уже на удмуртской почве (удм. *бусы* 'поле' + ныне несуществующее в удмуртском языке *кель*, также, как и *бусы*, заимствованное из языков хазаро-булгаро-чувашиской группы; ср. хазарское *Шаркел* 'Белый дом' у Константина Порфирогенета⁵ — (Белая Вежа древнерусской летописи), чувашское *кил* (*кил'*) 'дом'.

Не менее интересен следующий пример. Рассмотрим параллельный ряд сложных слов: чув. *йёпвэрри* 'стрекоза' (*йёп* 'игла' + *вэрри* 'вор, разбойник'; буквально: *игольный вор*); татар. *инэ карагы* 'стрекоза' (*инэ* 'игла', *карак*, *карагы* 'вор'); эрз. *салмуксоньзалы* (буквально: *игольный вор*; ср. *салмукс* 'игла' и *салыця* 'вор'); мокш. *салмоксонь салай* (значение то же).

Легко заметить, что именно тюркские данные являются здесь ведущими, так как в некоторых тюркских языках, далеких от поволжских, название стрекозы этимологически непосредственно связывается с обозначениями иглы, игольника.⁶ Весьма любопытно, что такое кажущееся почти лишенным смысла обозначение стрекозы — 'игла + вор' (игольный вор) калькируется мордовской стороной совершенно точно.

Возьмем пример, в котором первая роль принадлежит скорее финно-угорской стороне.

Мар. *кэчыюл*, *кэчэ йол* 'лучи солнца' (*кэчэ* 'солнце, день' + *йол* 'нога'); ср. чув. *хёвел ури* 'солнечные лучи' (*хёвел* 'солнце' + *ура* 'нога').

Весьма замечательно, что мансийский язык, который можно считать до некоторой степени связанным с областью воздействия волго-камского языкового союза, имеет для обозначения солнечного луча термин *хотал кат*, *hotal-kat*, т. е. 'солнце + рука'.⁷

В качестве еще одного яркого примера рассматриваемых явлений приведем названия Млечного пути у народов Волго-Камья: морд. диал. *вирь мацень кит* 'дорога диких гусей', мар. *кайык-комбо корно*, удм. *луд жазег сюрес*, чуваш. *кайык хур сүлэ*;⁸ — все построены по одному типу и имеют один и тот же смысл: 'Млечный путь' (буквально: *дикий гусь + дорога*, т. е. *Дорога диких гусей*).

Интересно сравнить это обозначение с названием Млечного пути в языках Прибалтики: эст. *Linnutee*, *Linnurada* и соответствующие финские, ливские, водские данные имеют один и тот же смысл: 'птичья дорога'⁹ и точно отражены в латышском *Putnu ceļš*, а также до некото-

⁵ Constantinus Porphyrogenetos, De administrando imperio. — Corpus scriptorum historiae Bizantinae v. 1—3, Bonnae 1829—1840.

⁶ Ср. туркменское *igne*, *ipne* 'игла', *ipnelik* 'стрекоза' при турецком *igne* 'игла', *ignelik* 'игольник', алтайск. (Н. А. Баскаков) *ийне* 'игла', *ийнелик* 'игольник' и т. п.

⁷ Это, по-видимому, весьма естественное представление о солнечных лучах, так как во времена XVIII династии царей Египта — при Аменхотепе IV (Эхнатоне, 1424—1406 гг. до н. э.), введшем культ Атона (солнечного диска), — на дошедших до нас изображениях от солнца вместо лучей тянутся во множестве руки.

⁸ М. Е. Евсевьев, Эрзянь — рузонь валкс, Москов 1931, стр. 98; Русско-эрзянский словарь (под ред. М. Н. Коляденкова и Н. Ф. Цыганова), Москва 1948, стр. 185, 311 (здесь приведена другая форма: *Каргонь-ки* 'Млечный путь' — буквально: *Журавлиная дорога*); С. Г. Потапкин и А. К. Имяреков, Русско-мокшанский словарь, Москва 1951, стр. 261 (*Каргонь Ки*, *Нармонь Ки* — 'Журавлиная дорога', 'Птичья дорога').

⁹ J. H. Toivonen, E. Itkonen, A. J. Joki, Suomen kielen etymologinen sanakirja II, Helsinki 1958, стр. 297; U. Narva, Die religiösen Vorstellungen der altaischen Völker, Porvoo—Helsinki 1938, стр. 200; К. Абен, Ливские и эстонские элементы в латышском языке. — Учен. зап. Тартуского гос. университета, 4 (Филол. науки), Тарту 1947, стр. 18.

рой степени и в ближайших (северо-западных) русских говорах (*Птичья дорога, Журавлиная дорога*).

В заключение укажем на еще один факт взаимодействия волжских финно-угорских и тюркских языков. Речь идет о марийском *йогын-вјд* 'проточная вода'¹⁰ и чувашском *йухан шыв* (то же).¹¹ Разумеется, чувашское словосочетание построено по общетюркскому типу — как, например, и в далеком отсюда тувинском¹² и вообще во всех тюркских языках. Однако приводимая Н. И. Ашмариним чувашская глагольная основа *йох-, йух-* 'течь' находится, несомненно, в большей близости к финно-угорским, чем к тюркским данным, так что можно считать ее образовавшейся в результате контакта с марийским языком. При этом весьма возможно, что обратное воздействие чувашских данных на марийский язык в этом случае привело к потере последним древнего общефинно-угорского слова, соответствующего эстонскому *jõgi*, финск. *joki* и т. п. 'река', так что марийское *йога-* сохранилось лишь в качестве глагола.

Изучение подобного рода тесных взаимоотношений и связей финно-угорских языков с их соседями может привести к интересным результатам в определении происхождения тех местных особенностей, которыми языки финно-угорской группы иногда достаточно резко отличаются один от другого.

А. И. П О П О В (Leningrad)

EINIGE BEISPIELE DES GEGENSEITIGEN EINFLUSSES DER FINNISCH-UGRISCHEN UND TÜRKISCHEN SPRACHEN

Der Verfasser gibt einige Beispiele des gegenseitigen Einflusses der finnisch-ugrischen und türkischen Sprachen des Wolgagebiets. Die Beispiele beziehen sich auf die Klasse der Bedeutungslehnwörter oder Übersetzungslehnwörter.

¹⁰ Ёпымарий (В. М. Васильев), указ. раб., стр. 304; здесь же: *йога* 'течет вода', *йогын* 'проток'.

¹¹ Н. И. Ашмарин, Словарь чувашского языка, 1930, стр. 18—23.

¹² Тувин. *агым суг* 'проточная вода', каракалп. *агын су* и т. д. В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, Санкт-Петербург 1893, стр. 86—95, где имеется ряд относящихся сюда данных, связанных с общетюркским корнем *ак-* (*ах-*) 'течь, белый'.